
Соловьиная Трель
Золотая рыбка
18+

Соловьиная Трель

Золотая рыбка

«Автор»
2026

Трель С.

Золотая рыбка / С. Трель — «Автор», 2026

«Перестань быть золотой рыбкой», — сказала ей уходящая секретарша. Ноа не послушала. И теперь она копается в старых бумагах, а где-то в городе есть люди, которым это очень не нравится.

© Трель С., 2026
© Автор, 2026

Соловьиная Трель
Золотая рыбка

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Какой холодный воздух! Впервые за мой 31 год в городе такая холодная осень. А ведь только сентябрь. Год назад свитер и чашка кофе ещё спасали в это время. Сегодня я надела шарф. Натянула его до самых глаз — и почувствовала запах. Его запах.

Семь лет назад.

— Ноа, ты опоздаешь. Скоро спустишься завтракать?
— Мам, не буду. Кусок в горло не лезет. Очень волнуюсь: опыта нет, только выпускной. Кому нужны желторотые птенцы?
— Ты была лучшей на курсе. Это они ещё будут уговаривать тебя работать у них!
— Ладно, мам, спасибо.
— Ноа, милая, всё получится!
Быстро поцеловав родителей, я обулась, схватила ключи и выбежала.

Глава 1. Мы

В школе я не была красавицей.

Это сейчас я могу сказать это спокойно, почти с нежностью к той девочке, а тогда это было приговором. Подростковая припухлость, которая делала лицо чужим; неловкость, от которой руки казались лишними; очки, вечно сползавшие на нос, и привычка втягивать голову в плечи, будто можно было стать меньше, незаметнее.

Я знала наизусть все трещины на полу школьного коридора — потому что смотрела вниз.

К колледжу я расцвела. Это случилось не в один день — как будто кто-то невидимый медленно отодвигал занавес, и из-за него появлялось другое лицо, другая фигура, другая я. А в университете я уже сияла. Парни оборачивались.

Внимание росло вместе с тем, как менялось моё тело, — и вместе с ним росло что-то ещё, чему я тогда не знала названия. Оно было липким, оценивающим, и от него хотелось отряхнуться, как от паутины.

Но я, как хорошая девочка, ждала принца.

Принц не пришёл.

Мне попадались только отборные идиоты — те, кто умел красиво говорить и ничего не умел держать. С одним из них мы перешли черту приличия, и я стала женщиной. Да, Джон, спасибо. Ты разбил мне сердце, когда уехал в колледж, не попрощавшись. Не позвонил. Не написал. Просто исчез, как будто меня никогда не было, — а я осталась стоять с этим «как будто», которое пришлось носить с собой.

Училась я везде хорошо. Не потому, что была умнее всех, — хотя, наверное, и поэтому тоже, — а потому что старалась. Старалась порадовать родителей. Старалась быть той девочкой, которой они могли бы гордиться, — и это получалось, потому что они гордились мной всегда, даже когда я не давала повода.

Жили мы небогато. Подержанная машина, которая заводилась с третьего раза; старый ремонт, который всё собирались сделать и не делали; мебель, помнившая ещё чью-то другую жизнь. Но дома всегда царила любовь. Каждый готов был помочь друг другу — пусть не деньгами, так теплом. И этого тепла у нас было столько, что оно заменяло всё остальное.

Я была единственным ребёнком в семье. Родилась поздно — когда маме и папе было за сорок. Очень желанным ребёнком. Тем, кого ждали так долго, что уже перестали ждать вслух, но продолжали ждать внутри. Что такое родительская любовь, я знаю не понаслышке — я выросла в ней, как в воде.

Помню, мне лет восемь.

Воскресенье. Кухня. Запах пирогов — тёплый, мучной, с яблочной кислинкой, — который заполнял весь дом и выбирался даже на лестничную клетку. По выходным мы всегда ездили на озеро — папа с удочками, мама с термосом и пледом, а я с мячом, который вечно терялся. Возвращались уставшие, пропахшие тиной и травой, счастливые до бессловесности — и мама сразу бралась за тесто.

Я сижу за столом, болтаю ногами, которые не достают до пола, и смотрю, как мама раскатывает тесто. Мука летит в воздух и оседает на её руках, на фартуке, на щеке. Папа рядом чистит картошку — вернее, делает вид, что помогает. Он держит нож с таким серьёзным лицом, что сразу понятно: это игра.

— Ну что, — говорит папа, — на следующие выходные, может, махнём на озеро с ночёвкой? Возьмём палатку, продукты. Ноа, хочешь суп на костре?

— Хочу! — кричу я, хотя меня никто не спрашивал, и чуть не падаю со стула.

— Только если ты, — мама кивает на папу, — не будешь опять забывать соль. В прошлый раз суп был как вода из-под крана.

— Соль — это мелочи. — Папа отмахивается ножом, и картофельная кожура летит на пол. — Главное — компания. А компания у нас отличная.

Он смотрит на маму.

Мама стоит у окна. Свет падает ей на волосы — она недавно сделала короткую стрижку, всё приговаривала, что «в сорок с хвостом уже несолидно». Папа обожает эту стрижку и каждый раз говорит об этом, будто видит её впервые.

— Тебе очень идёт, — папа откладывает нож. — Как будто ты помолодела лет на десять. Я тут подумал… может, мне тоже подстричься? Под ноль?

— Под ноль? — Мама оборачивается, поднимает бровь. — Ты же тогда будешь вылитый Брюс Уиллис. Только без обаяния.

— А что, Брюс Уиллис — это комплимент! — Папа смеётся. — Мужчина хоть куда.

— Мужчина хоть куда, — соглашается мама. — А ты у меня и так хоть куда. Не надо тебе под ноль. Я тебя лысым не заказывала.

Они смеются. Мама машет на папу полотенцем, папа уворачивается, и на секунду они оба становятся моложе — как на старых фотографиях, где они ещё не мои родители, а просто Белла и Джош, которые любят друг друга и ещё не знают, что у них будет дочь.

Я сижу за столом, подперев щёку ладонью, и улыбаюсь.

Мне хорошо. Мне так хорошо, что я даже не могу это объяснить. В комнате тепло, пахнет пирогами, и никто никуда не торопится. За окном медленно гаснет день, и свет становится мягким, медовым, будто его кто-то процедил сквозь сито. И мне кажется, что так будет всегда.

— Ноа, — папа подмигивает, — а ты что на следующие выходные заказываешь? Пироги с капустой или с яблоками?

— С яблоками! — говорю я. — И чтобы много!

— Умная девочка, — говорит папа. — Вся в маму.

А мама уже ставит противень в духовку, вытирает руки о фартук и говорит:

— Вся в папу. Тот тоже всегда «чтобы много».

И они снова смеются. А я смотрю на них и думаю: вот оно, счастье. Сидишь за столом, болтаешь ногами, и весь мир — это кухня, пироги и два человека, которые тебя любят.

Глава 2. Папа

Папа прожил счастливую жизнь рядом с любимыми женщинами.

Он умер ночью, во сне — просто остановилось сердце. В выходной день. Тихо, без борьбы, без прощаний, будто кто-то очень аккуратно закрыл за ним дверь. Мне было двадцать пять лет.

За день до этого я приехала в гости.

Был обычный вечер — из тех, что потом пытаешься восстановить по кусочкам и не можешь, потому что в них не было ничего особенного. Мы смотрели бейсбол по телевизору. Папа, как всегда, комментировал игру громче диктора и требовал, чтобы мама принесла «ещё немного того печенья». Мама ворчала, что печенье на ночь — это безобразие, но приносила. Я сидела на полу у дивана, подперев щёку ладонью, и думала: как же хорошо, что я приехала.

В комнате пахло чаем и печеньем. За окном темнело медленно, по-летнему неохотно. Где-то на улице кто-то звал собаку, и голос уносился в сумерки, как будто растворялся в них. Папа сидел в своём кресле, в старом свитере с растянутыми локтями, и в свете торшера его лицо казалось моложе, чем было. Мама подкладывала ему печенье и делала вид, что не замечает, как он подкладывает ей подушку под спину.

Я не знала, что запоминаю это навсегда.

Папа был очень добрым мужчиной. Его уважали на работе и любили дома. Он умел слушать так, что собеседнику казалось, будто кроме него в мире никого нет, — он не перебивал, не торопил, не смотрел на часы. И умел смеяться так, что смеялись все вокруг, даже если шутка была так себе. Особенно если шутка была так себе.

Они с мамой познакомились, когда им было по тридцать. Оба из очень бедных семей, оба рано потеряли родителей — и оба вынесли из этого не озлобленность, а какую-то тихую, упрямую нежность друг к другу. Они очень любили друг друга — и очень уставали, чтобы купить дом и машину. Работали, откладывали, снова работали. Дом купили небольшой, машину — подержанную, но свою. И были счастливы.

Хотели завести детей. Долго не получалось. Годы шли, надежда таяла, но они не сдавались — надеялись на чудо. И чудо случилось: когда маме было сорок, а папе сорок два, родилась я. Жизнь стала ещё ярче. В доме появилась куча распашонок, а папа всем коллегам показывал фотографии и говорил: «Это моя бусинка».

Традицию ездить на озеро придумал папа. Вернее, я — но папа всё организовал. Мама предпочитала по воскресеньям ходить в церковь. Однажды мы сидели на службе, я начала зевать и тихо-тихо сказала: «Вот бы сейчас на озеро — ловить рыбку и играть в мяч». Папа услышал. Уже к вечеру он всё организовал, и даже мама согласилась, что это гораздо лучше. Хоть и долго держала лицо.

Так каждые выходные мы проводили вместе — где бы мы ни находились. Озеро стало нашим местом. Там пахло можжевельником и тиной, там пахло свободой, и папа говорил, что соль — это мелочи, главное — компания.

Когда папа умер, мир замер.

Не остановился — именно замер, как будто кто-то нажал паузу и забыл нажать снова. Из пазла украли деталь, и всё вокруг держалось на честном слове. Мама очень переживала. Несколько месяцев я жила с ней — боялась оставить одну. Потом мы решили изменить то, что её окружает: переставили мебель, сменили шторы, разобрали папины вещи. Так её сердце немного успокоилось.

Глава 3. Собеседование

Я неслась по Пятой улице, прижимая к груди папку с резюме, и проклинала всё: холод, каблуки, свою привычку выходить в последний момент. Пахло мокрым асфальтом, кофе из ближайшей кофейни и чьими-то духами, слишком сладкими для девяти утра.

Офис был на двенадцатом этаже. Стекло, металл, охрана, которая смотрела на меня так, будто я пыталась пронести бомбу, а не папку с дипломом. Лифт поднимался медленно, и с каждым этажом моё сердце стучало всё громче. «Ты была лучшей на курсе», — сказала мама. Мама, конечно, права. Но мама не сидит сейчас в этом лифте.

Я вышла в холл — и тут же на кого-то налетела.

Папка выскользнула из рук, листы резюме разлетелись по мраморному полу, как белые голуби. Я упала на колени и начала собирать их, чувствуя, как горят уши.

— Ого, полегче. Утро только началось.

Надо мной стоял мужчина. Официальный костюм, но пиджак расстёгнут, галстука нет, ворот рубашки расстёпан на одну пуговицу — ровно настолько, чтобы это выглядело не небрежностью, а уверенностью. Улыбался он так, будто мы старые знакомые, которые случайно встретились в аэропорту.

— Простите, — выпалила я. — Я спешу. Я очень спешу. У меня собеседование.

— Вижу. — Он присел на корточки и начал собирать листы вместе со мной. — Ноа Харт? — прочитал он на верхнем. — Красивое имя. Как у той девочки из фильма.

— Какой девочки?

— Не помню. Но красивое.

Я фыркнула — сама не ожидала. Он протянул мне листы, я схватила их и только тут заметила второго мужчину. Тот стоял в стороне, не вмешиваясь: тёмный костюм, застёгнутый на все пуговицы, ровный пробор, лицо человека, который никогда не опаздывает и не прощает опозданий другим. Он посмотрел на меня ровно столько, сколько нужно, чтобы я почувствовала себя лишней, и отвёл взгляд.

— Мэтт, — представился первый и протянул руку. — Мэтт Кэллоуэй. Работаю здесь. А вы, стало быть, к нам.

— Ноа. — Я пожала руку. Ладонь у него была тёплая. — Да, к вам. На собеседование. На секретаря главного юриста. С последующим повышением.

— С последующим повышением, — повторил он с уважением. — Амбициозно. Мне нравится. — Он кивнул на второго мужчину. — А это мистер Рид. Он тут… — Мэтт сделал паузу, — важный.

Мистер Рид не улыбнулся. Он вообще никак не отреагировал, будто его тут не было.

— Ладно, — Мэтт хлопнул в ладоши. — Не буду задерживать. Удачи, Ноа Харт. Если что — я на седьмом.

И он ушёл, засунув руки в карманы, насвистывая что-то себе под нос. Я смотрела ему вслед секунду дольше, чем следовало, и побежала к ресепшену.

Мисс Прентис встретила меня в переговорной.

Я сразу поняла всё, что нужно было понять. Она сидела, откинувшись в кресле, с чашкой кофе, который ей явно кто-то принёс, и листала моё резюме так, будто это была не моя жизнь, а счет за электричество. Блузка — шёлк, ровно на одну пуговицу расстёгнута больше, чем позволял офисный дресс-код. Маникюр — цвета крови. Духи — те самые, сладкие, из холла.

— Итак, — она подняла глаза. — Ноа Харт. Выпускница. Без опыта.

— Да, но я…

— Я вижу. — Она перевернула страницу. — Хорошие оценки. Это, конечно, мило.

«Мило». Я почувствовала, как внутри что-то сжалось.

Дальше вопросы шли по кругу: где вижу себя через пять лет (отвечала честно — не здесь, но вслух сказала «в этой фирме»), как справляюсь со стрессом (сказала «спокойно», вспомнив, как пять минут назад собирала резюме с пола), почему выбрала юриспруденцию (сказала про справедливость, и она усмехнулась).

— Ноа, — она отложила резюме и посмотрела на меня с той снисходительностью, от которой хочется вымыть руки. — Давайте откровенно. Мне нужен человек, который уже умеет работать. Который знает, где лежат документы, кому звонить, как разговаривать с клиентами. А у вас — диплом и горящие глаза. Горящие глаза, милочка, не разносят почту.

— Я быстро учусь, — сказала я. Голос предательски дрогнул. — И я готова работать. Правда готова. Мне очень нужна эта работа.

— Всем нужна эта работа. — Она встала. — Что ж. Мы вам позвоним.

«Мы вам позвоним». Я знала, что это значит. Все знают, что это значит.

На фотографии в приёмной — я успела заметить — она стояла рядом с мужчиной в дорогом костюме, и его рука лежала у неё на талии чуть ниже, чем полагается на корпоративных снимках. В офисе, видимо, об этом знали все. И в другую фирму она уходила не просто так — «по связям». Я не знала подробностей, но лицо у неё было человека, который никогда ничего не делает бесплатно.

Выйдя из переговорной, я дошла до конца коридора, прислонилась к стене и выдохнула. Глаза жгло. Я изо всех сил смотрела в потолок, потому что если хоть одна слеза скатится — всё, я не остановлюсь.

— Всё в порядке?

Я вздрогнула. Мистер Рид стоял в двух шагах, с папкой в руке. Серьёзный, как и в холле. Ни тени улыбки. Ни капли тепла. Но он не прошёл мимо.

— Да, — сказала я. — То есть нет. То есть… — И тут меня прорвало. — Нет, не в порядке. Я только что была на собеседовании, и эта женщина… она даже не пыталась. Она смотрела на меня как на пустое место. Я только что закончила университет. Я лучшая на курсе, у меня рекомендации, я готова работать сутками. Но у меня нет опыта, а без опыта никто не даёт работу, а без работы неоткуда взять опыт. Замкнутый круг. И она сидит там, пьёт свой кофе и говорит мне «мы вам позвоним», хотя мы обе знаем, что не позвонит. А мне очень нужна эта работа. Не для галочки. Мне правда нужна.

Я замолчала. В коридоре было тихо. Где-то капал кран, и этот звук казался оглушительным.

Мистер Рид смотрел на меня. Долго. Так, что я начала жалеть о каждой сказанной фразе.

— Понятно, — сказал он наконец. Ровно, без интонации. Кивнул — коротко, как ставят печать, — и пошёл дальше по коридору.

Я осталась стоять, чувствуя себя полной идиоткой. Ну кто, скажите, выкладывает душу первому встречному в коридоре? Я вытерла глаза рукавом, поправила шарф и пошла к лифту.

Только на улице, уже на тротуаре, до меня дошло: мистер Рид шёл в ту самую переговорную. И папка у него была с моим именем.

Глава 4. Незнакомка из Уайлдфелл-Холла

Я вышла из офиса и первым делом расстегнула пальто.

Воздух всё ещё был холодным — резким, октябрьским, с тем металлическим привкусом, который бывает у городского утра, — но внутри меня что-то горело. То ли от унижения, то ли от злости, то ли от того и другого сразу, смешанного в какую-то горькую, но живительную смесь. Я шла, не разбирая дороги. Мимо проплывали

витрины, люди, машины, и всё это было неважно, потому что внутри у меня всё ещё звучал её голос: «Горящие глаза, милочка, не разносят почту».

Я увидела кофейный киоск на углу — маленький, яркий, с облаком пара над стойкой. Взяла большой стакан, даже не посмотрев, что заказываю, и ушла в парк через дорогу.

Парк был почти пустой. Пожелтевшие листья лежали на дорожках, как чьи-то забытые письма, — и я на секунду подумала, что вот так же лежат на земле все неотправленные слова, которые мы не сказали вовремя. Я нашла скамейку в стороне, села, сделала глоток. Кофе обжёг язык, и это было даже приятно — хоть что-то настоящее.

Из сумки я достала книгу. «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла». Я взяла её в библиотеке неделю назад, и с тех пор она лежала в сумке, как обещание, что однажды у меня будет время. Вот оно, время. Не самое удачное, но всё же.

Я открыла страницу — и провалилась.

Хелен Грэм — женщина, которая сбежала от мужа, который её не любил, а владел ею. Она рисовала, чтобы заработать. Она пряталась, чтобы жить. Она была одинока, но не сломлена. Я читала и думала: вот она, свобода. Не та, что в рекламе духов, — с блеском и улыбкой на глянцевой бумаге, — а та, за которую платят одиночеством. Та, которая начинается с того, что ты остаёшься одна в комнате и понимаешь: никто не придёт, и это не конец, а начало.

Я всегда ждала принца. Хорошая девочка, которая верила, что однажды появится кто-то, кто всё исправит. А Хелен не ждала. Она взяла кисть и ушла. Мне было двадцать четыре, у меня был диплом, папка с резюме и чашка кофе, которая остывала в руке. И я вдруг подумала: а ведь я тоже могу просто взять и уйти. Не от кого-то. К себе.

Я перевернула страницу и не заметила, как пролетел час.

Телефон зазвонил так резко, что я подпрыгнула. Кофе дёрнулся в стакане, книга чуть не упала. На экране — незнакомый номер. Я смотрела на него секунду, две, три. Незнакомый номер в девять утра — это или реклама, или плохие новости.

Я взяла трубку.

— Мисс Харт? — Голос был женский, недовольный, будто я оторвала человека от важного дела. — Это мисс Прентис.

Я выпрямилась. Сердце сделало шаг вниз.

— Да. Здравствуйте.

— Вы приняты. — Пауза. — Завтра в девять. Без опозданий.

Я открыла рот, но не успела ничего сказать. В трубке щёлкнуло. Короткие гудки.

Я сидела на скамейке, держа телефон в руке, и смотрела на пустой стакан. Кофе остыл. Листья шуршали под чьими-то ногами. Где-то смеялся ребёнок — тонко, заливисто, — и его смех казался единственным звуком в этом замершем мире.

Мир не заметил, что внутри меня что-то перевернулось.

Я принята.

Я принята.

Я вскочила, чуть не опрокинув стакан, и засмеялась — громко, некрасиво, как ненормальная. Пожилой мужчина на соседней скамейке покосился на меня, но мне было всё равно. Я схватила книгу, сумку, стакан — и побежала.

Домой.

Я влетела в квартиру, не снимая пальто.

— Мам! Пап! Где вы?

Мама вышла из кухни, вытирая руки о полотенце. На ней был тот самый фартук, в котором она пекла пироги, — выцветший, с пятном на кармане. Из гостиной выглянул папа — с газетой в руке и очками на кончике носа.

— Ноа? — Мама шагнула ко мне. — Что случилось? Почему ты так…

— Меня взяли! — выпалила я. — На работу! Мисс Прентис позвонила. Сама!

Завтра в девять. Без опозданий, представляешь? Она сказала «без опозданий», как будто я вечно опаздываю. А я вообще-то ни разу не опоздала. Ну, почти.

Мама уронила полотенце.

— Взяли?

— Взяли!

Она обняла меня так крепко, что я почувствовала, как у неё дрожат плечи. От неё пахло мукой и тем самым мылом, которое она покупает уже сто лет, — и этот запах был запахом детства, запахом дома, запахом того времени, когда всё было просто.

Я уткнулась носом ей в шею и вдруг поняла, что плачу.

— Ну что ты, — сказала мама, отстраняясь и вытирая мне щёки большими пальцами. — Это же хорошие слёзы.

— Хорошие, — согласилась я. — Самые хорошие.

Папа тем временем отложил газету и подошёл. Он не обнял меня сразу — он посмотрел на меня так, будто увидел впервые. Гордо. Будто я была не его дочерью, а кем-то, кем он всегда мечтал стать.

— Моя бусинка, — сказал он тихо.

И тут же, спохватившись, добавил громче:

— Ну, наконец-то! А то я уже думал, что ты так и будешь целыми днями книги читать и пироги уплетать.

— Джош, — мама покачала головой.

— Что? Я же любя. — Он подмигнул мне. — Значит, завтра в девять? Надо отметить. Белла, у нас есть что-нибудь? Ну там, печенье?

— Печенье было. Ты его съел. — Мама вздохнула. — Ладно. Будут вам пироги. Ноа, садись, рассказывай. Что за фирма, кто начальник, какая зарплата.

Мы сели на кухне. Мама налила чай, хотя я не просила. Папа устроился напротив, положил локти на стол — мама тут же постучала по его руке, он убрал — и приготовился слушать, как в детстве, когда я рассказывала про школу.

Я рассказала всё: про холл, про Мэтта, который собрал мои листы, про мисс Прентис и её «горящие глаза не разносят почту», про мистера Рида в коридоре — и про то, как у меня защипало в носу, а я делала вид, что просто холодно.

— А что этот Рид? — папа прищурился. — Не обидел тебя?

— Нет, — сказала я. — Он просто сказал «понятно».

— Понятно, — повторил папа. — Это хорошо. Это лучше, чем «мы вам позвоним».

Мама засмеялась и пододвинула ко мне тарелку с пирогом — с яблоками, конечно. Я откусила, обожглась начинкой и вдруг подумала: завтра в девять.

Завтра всё начнётся. И впервые за долгое время я ждала завтра не со страхом, а с чем-то очень похожим на счастье.

Глава 5. Золотая рыбка

Утро было странным.

Не потому, что что-то случилось — наоборот, потому что не случилось ничего. Я проснулась до будильника, полежала минуту, глядя в потолок, по которому медленно расползался серый рассвет, и вдруг поняла: я не боюсь.

Вчера я боялась всего. Опоздать. Сказать глупость. Оказаться не той —

недостаточно умной, недостаточно быстрой, недостаточно хорошей. Сегодня страх куда-то делся, будто его сдуло сквозняком из приоткрытого окна. Осталось другое — тихое, ровное предвкушение. Как перед дальней поездкой, когда чемодан уже собран, а билет лежит на столе, и всё, что осталось, — это выйти за дверь.

На кухне пахло кофе и тостами. Мама стояла у плиты, папа — у телевизора, и оба делали вид, что не ждут меня. Получалось у них плохо.

— Доброе утро, — сказала я.

— О, — папа обернулся. — Явилась. А мы думали, ты уже на работе, бумаги разбираешь.

— Джош, — мама покачала головой. — Дай ей поесть спокойно.

— Я и даю. Я же не запрещаю. — Он подмигнул мне. — Моя бусинка сегодня — важный человек. Сотрудник фирмы. Взрослая женщина.

— Пап.

— Что? Я гордюсь. Это не запрещено.

Мама поставила передо мной тарелку. Я ела быстро, но не потому, что опаздывала, — времени было достаточно. Просто внутри что-то подталкивало: скорее, скорее, там уже началось.

— Не гонись, — сказала мама, будто прочитала. — Успеешь. Работа не убежит.

— Убежит, — сказал папа. — Это же работа. Она всегда убегает. Ты за ней, а она от тебя.

Мама вздохнула. Я засмеялась. И вышла из дома с лёгким сердцем — впервые за много дней.

В офисе было тихо.

Слишком тихо для девяти утра — как будто этаж ещё не проснулся и нехотя потягивался под слоем утреннего света. Я прошла мимо ресепшена, кивнула охраннику, поднялась на лифте. Двери открылись.

Мисс Прентис сидела за столом. Перед ней стоял стакан кофе — почти пустой, с тёмным ободком на дне, как след от чего-то, что давно закончилось. Она смотрела в экран, и лицо у неё было такое, будто монитор лично её оскорбил.

— Доброе утро, — сказала я.

Она подняла глаза. Секунду смотрела на меня так, будто пыталась вспомнить, кто я и зачем пришла. Потом вспомнила.

— А. Харт. Пришла.

— Пришла. — Я улыбнулась. — А вы во сколько сюда приходите? Я думала, я рано.

— В семь тридцать.

— Ого. Зачем так рано?

Она посмотрела на меня. Долго. Так, что я почувствовала, как улыбка сползает с моего лица сама собой — медленно, как капля с стекла.

— Тааак, — сказала она наконец, и в этом «тааак» было больше смысла, чем в иных лекциях. — Сегодня ты поможешь мне разобрать тут всё и собрать мои вещи. Потом пойдёшь в архив. К завтрашнему дню нужно несколько дел принести и проверить. Потом отдать мистеру Риду.

— Хорошо, — сказала я. — А где он? Мистер Рид?

— Он не отчитывается о местонахождениях. — Она отхлебнула кофе. — Но всегда ответит на звонок, если нужно что-то уточнить. Его примерное расписание я напишу тебе позже.

— Спасибо.

Она не ответила. Просто поднялась, взяла пустой стакан и пошла куда-то вглубь этажа, оставив меня стоять посреди приёмной с ощущением, что меня только что оценили — и признали недостаточно хорошей.

Коробки нашлись в кладовке. Их было шесть — пыльные, с загнутыми углами, они пахли старой бумагой и забытыми вещами. Я принесла их в приёмную, и мы начали.

Прентис складывала вещи быстро, почти без раздумий: папки — в одну коробку, канцелярию — в другую, мелочи — в третью. Я старалась не отставать, но всё время спотыкалась: то не знала, куда определить степлер, то боялась выбросить что-то нужное.

— Это можно, — сказала она, когда я замялась над стопкой старых журналов. — Всё, что выглядит как мусор, — мусор. Не усложняй.

Я кивнула и продолжила. В какой-то момент на дне ящика попалась рамка. Стекло было пыльное — я протёрла его рукавом и замерла.

С фотографии смотрела девушка.

Молодая, бледная, с простым лицом и неуверенной улыбкой. Волосы собраны в хвост, никакого макияжа, простая рубашка. Она выглядела как студентка. Как я.

Я подняла глаза на Прентис. Потом снова на фото. Потом опять на Прентис.

— Это… вы?

Она взглянула мельком.

— Я.

— Ого. — Я не удержалась. — Когда это было?

— Давно. Не помню точно.

— Вы совсем другая здесь. — Я повертела рамку в руках. — Совсем.

— Да. — Она отложила папку. — Я знаю.

Я посмотрела на неё вопросительно. Не понимала. Не понимала, как можно так измениться — и зачем.

Прентис выдержала паузу. Потом сказала — обычным, даже немного добрым тоном, какого я от неё ещё не слышала:

— Милая Ноа. Не будь глупой. Если ты хочешь выжить среди акул — перестань быть золотой рыбкой.

Она отвернулась и продолжила складывать вещи. А я стояла с рамкой в руках и смотрела на девушку с фотографии — на ту, которой больше нет.

Когда с коробками было покончено, Прентис вытерла руки о салфетку и сказала:

— Архив на седьмом. Вот. — Она протянула мне лист с фамилиями, написанными острым, почти каллиграфическим почерком. — Найдёшь эти дела, проверишь, что все страницы на месте, и принесёшь мне. К завтрашнему утру всё должно быть готово. И поторопись, у меня нет времени ждать.

Я кивнула, взяла лист и вышла. В лифте было тихо, только гул где-то наверху — ровный, глубокий, как дыхание большого здания. Я смотрела на своё отражение в металлических дверях и думала о Прентис. О той девушке с фотографии — бледной и простой. И о той, что осталась в приёмной, с острым почерком и пустым стаканом кофе.

«Перестань быть золотой рыбкой».

Я не хотела становиться акулой. Правда не хотела. Мне казалось, что можно иначе — работать хорошо, быть честной, не грызть никого. Но чем ближе лифт подходил к седьмому, тем меньше я в это верила.

Двери открылись. Я шагнула вперёд, думая о своём, и налетела на кого-то.

— Дааа уж, это уже традиция, да, Ноа?

Я подняла глаза. Мэтт. Конечно, Мэтт. Стоит, ухмыляется, руки в карманах — расслабленный, будто весь мир — это место, где ему всегда рады.

— Мэтт, здравствуй. Прости, пожалуйста. У меня компас в голове сломался в этом здании.

— Бывает. — Он не сдвинулся с места. — Ты куда?

— В архив. Мисс Акула послала меня в архив.

— Что? Кто? — Он нахмурился. Потом понял. — А, Мая.

— Мая, — повторила я.

Имя не вязалось с ней. Мая — это что-то тёплое, майское, из тех времён, когда всё только начинается. А она была как ноябрь.

— Мая хороший человек, — сказал Мэтт. — Но вот это всё.

Он обвёл глазами холл — стены, лифты, чахлую пальму в углу, которая, казалось, тоже мечтала оказаться где-нибудь в другом месте, — и добавил тише:

— Её это закалило сильнее нужного. Она молодец: прогрызла себе безоблачную жизнь. После ухода отсюда она не будет бедствовать, это точно. Ей нужен отдых.

Я не знала, что сказать. Думать о Прентис — о Мае — как о человеке, которому нужен отдых, было странно. Но в его словах была правда, которую я пока не могла разложить по полочкам.

— Да кстати, Ноа, — Мэтт сменил тон, будто стряхнул что-то. — Куда пойдёшь на ланч?

— Я ещё не знаю, что тут есть рядом.

— Я знаю хорошее место. Предлагаю сходить туда.

— Окей. — Я посмотрела на лист в руке. — Нужно найти дела. Давай тогда увидимся в тринадцать ноль-ноль.

— В тринадцать ноль-ноль, — повторил он с удовольствием. — Люблю точность.

И мы разошлись. Я — к архиву, он — к лифту. Только когда двери за ним закрылись, я сообразила: Мэтт был с пустыми руками. Шёл куда-то на седьмой этаж — и ничего не нёс. Может, просто гулял. Может, искал кого-то. А может, у него тоже был «сломанный компас в голове».

Я вернулась в офис с делами под мышкой — все нашла, все проверила, даже страницы пересчитала дважды, чтобы уж наверняка.

Дверь в кабинет была приоткрыта. Я шагнула и остановилась.

Мистер Рид стоял у стола и что-то диктовал. Мая сидела напротив, серьёзная, с блокнотом, и записывала так быстро, что ручка, казалось, вот-вот задымится. Он говорил ровно, негромко, чуть наклонив голову, и тёмная чёлка падала ему на лоб.

Боже. Какой же он красивый.

Высокий, широкоплечий, костюм сидел на нём идеально — наверняка сшит на заказ, иначе так не бывает. Он оперся на стол, голова чуть наклонена, волосы падают на лицо. Он выглядел как мечта любой женщины. Как картинка из журнала, которую рассматриваешь и думаешь: таких не бывает, это фотошоп.

— Ноа. Ноа!

Я вздрогнула.

— А? Что? Простите.

Мая смотрела на меня поверх блокнота.

— Где ты витаешь? Как я тебя тут оставлю?

Я открыла рот, но ничего не придумала.

— Я вижу, что мне надо остаться здесь на пару недель, — сказала она, и это прозвучало как приговор. — И последить за тобой. Я отдам распоряжение — сюда

поставят дополнительное место. Будешь беспросветно работать там. Потом сядешь сюда, когда я уйду.

Я положила дела на её стол. Кивнула.

И с этого момента начался ад.

Глава 6. Стажировка, или Ад

Две недели прошли как в тумане.

Не в том лёгком, утреннем тумане, который рассеивается к полудню, а в густом, вязком, в котором всё теряет очертания. Мая гоняла меня по любому поводу: кофе, документы, кофе, съездить забрать документы, распечатать, собрать подписи — и по кругу, как белка в колесе, только колесо было не моё. Иногда мне казалось, что она проверяет не мою работу, а моё терпение. Иногда — что она просто не умеет иначе, что где-то внутри неё всё ещё живёт та бледная девушка с фотографии, которая не знала другого способа выжить.

Домой я приходила и падала без ног. Папа спрашивал: «Ну как, бусинка, не съели ещё?» — и в его голосе было столько искренней тревоги, что я смеялась, хотя смеяться не хотелось. Мама молча ставила передо мной тарелку. Я ела и засыпала прямо над ней, уронив голову на руку, и она будила меня осторожно, будто я была чем-то хрупким.

А мистер Рид проходил мимо.

Здоровался кивком — коротким, ровным, как черта в документе. Иногда задерживался взглядом на секунду дольше, чем нужно, и эта секунда потом жила во мне весь день, как заноза, которую не вытащить. И уходил. И я каждый раз говорила себе: перестань.

На табличке на его столе было написано: «Итан Рид».

Итан.

Я произносила это имя про себя — шёпотом, беззвучно, — и оно оседало где-то в горле, тёплое и чужое.

На последний день Мая вздохнула. Плечи у неё опустились — впервые за две недели, будто кто-то отпустил невидимые нити, которые держали её прямо.

— Ты готова, — сказала она спокойно. — А я ухожу.

И начала закидывать вещи в свою неприлично дорогую сумку. Я смотрела на эту сумку и понимала: моя стоит раз в сто дешевле. Может, в двести. И дело было не в деньгах — дело было в том, что эта сумка знала о своей хозяйке больше, чем я когда-либо узнаю.

Я не могла упустить момент.

— Мая.

Она подняла глаза.

— Извините… как вы стали акулой? — Я запнулась. — Кхм. То есть… зачем?

Она замерла с сумкой в руке. Потом засмеялась — коротко, неожиданно тепло, как будто я сказала что-то наивное и милое одновременно.

— Собирай вещи.

Я испугалась. Правда испугалась — мало ли, что это значит.

— Не бойся, — она засмеялась ещё раз. — Собирай вещи. Мистеру Риду мы уже не нужны, на завтра всё готово. Пошли выпьем вина. Напоследок я тебя угощу.

Я была шокирована.

— Конечно, — сказала я. — Да. Я быстро.

Глава 7. Ресторан

Ресторан был такой, что я оробела ещё на входе.

Высокие потолки терялись где-то в полумраке, и свет — приглушённый, тёплый, будто пропущенный сквозь толщу янтаря — падал на скатерти, которых я в жизни не касалась. В воздухе висело что-то неуловимое: не запах еды, а запах денег, тихих разговоров и людей, которым не нужно ничего доказывать. Я остановилась в дверях, как на пороге чужого дома, и почувствовала, как сумка на плече стала тяжелее, а пальто — слишком простым.

— Всё нормально, — Мая обернулась через плечо. — Это место видело разное.

Ахаха. Я шучу. Почти.

Она шла впереди легко, будто тут всё было её — и воздух, и свет, и тишина. И тон у неё стал другой: выше, что ли, моложе, с какой-то девичьей ноткой, которой в офисе не было и в помине. Передо мной была не мисс Прентис, не «мисс Акула», а просто женщина. Всего на пять лет старше меня.

Мы сели за столик у окна. За стеклом проплывали огни — медленные, размытые, как акварель, которую кто-то смахнул мокрой кистью.

Мая взяла меню, мельком глянула и отложила.

— Что будешь?

Я открыла своё.

Меню было коротким — и без цен. Совсем без цен. Я поводила пальцем по строчкам, потом по другим, потом ещё раз — и поняла, что не понимаю ни одного названия. Слова были знакомые, но они складывались в что-то чужое, как фраза на языке, который учил, но так и не выучил.

— Я… — Я подняла глаза. — Я, наверное, ничего не буду.

— Поняла. — Она не удивилась. Даже брови не подняла. — Я закажу на свой вкус.

И заказала.

Всё меню. И самое дорогое вино.

Да. Похоже, Мэтт не шутил про неё. Она не бедствует.

— Давай спрашивай, — сказала Мая, когда официант ушёл. — Вижу, как тебе не терпится.

Я открыла рот. Закрыла. В голове было сто вопросов, и все казались неприличными. Почему вы уходите? Вам правда нужен отдых? Вы счастливы? Зачем вы стали такой?

— Я даже не знаю, что спросить, — призналась я. — Какой ужас. Все вопросы кажутся…

— Неприличными, — закончила она. — Ох, Ноа. Ты далеко не уедешь, если будешь такой.

— Простите.

— Прекрати извиняться. — Она откинулась на спинку. — Ладно. Слушай.

Она родилась в семье алкоголиков.

Не в той, где «папа иногда выпивает», а в той, где с утра пахнет перегаром, а вечером лучше не выходить из комнаты. Где ты учишься читать тишину раньше, чем буквы, — потому что от тишины зависит, будет ли сегодня хорошо или плохо.

Потом её забрала тётка — которая её не очень любила. Не била, не кричала, просто не любила. И в какой-то момент Мая поняла: надо сделать так, чтобы этих людей в её жизни больше никогда не было.

И она их больше никогда не видела.

Хорошая учёба, участие во всех возможных активностях — всё, что даёт баллы, стипендии, дорогу. Колледж, университет, работа в престижной компании. До

красоты тогда дела не было, хотя личико всегда было очень хорошее.

А потом клиенты мистера Рида начали заигрывать с ней. Не как с помощницей — как с женщиной. И она поняла: в этом мире важнее красота, а не смекалка.

Мышиный цвет волос сменился изумительным блондом. Спортзал каждый день после работы выточил фигуру. Так в жизни Маи появился мужчина — имени она не назвала.

— Не волнуйся, Ноа, — она усмехнулась. — Это не Рид. Это один из его клиентов. Он хороший. И чрезмерно добрый ко мне. Но мы абсолютно не любим друг друга. Между нами витает страсть и преданность, но не любовь.

Я сидела и молчала. В голове звучали слова Мэтта: «Мая хороший человек. Но это всё. Её это закалило сильнее нужного. Ей нужен отдых».

— Ты знаешь Мэтта с седьмого этажа? — спросила я вдруг. — Фамилию не помню.

— Этого идиота? — Мая засмеялась. — Конечно. Чудесный малый. У нас с ним был короткий роман пару лет назад. Закончилось трагично: я уже тогда любила деньги, а он мог предложить только одну комнату в Бруклине. А когда наше материальное положение у обоих изменилось — любовь уже прошла. Вот так. А что? Положила на него глаз?

— Нет. Хотя жизнь сталкивает нас лбами. Буквально.

— Это он умеет, — сказала Мая с непонятной интонацией.

Принесли еду. Я не знала, что это, но пахло так, что я забыла про вопросы — пахло травами, маслом, чем-то тёплым и сложным, что невозможно приготовить дома.

Вино разлили по бокалам, и оно понесло по телу тепло — медленно, от горла вниз, будто внутри зажглась ещё одна маленькая лампа.

Я сделала глоток и вспомнила про нашего начальника. Точнее — только моего. С которым завтра один на один.

— А какой он? — спросила я. — Мистер Рид. Какой он?

Мая отставила бокал.

— Когда я пришла, он был вообще в другом отделе. А через три месяца стал моим начальником. — Она усмехнулась. — Так что я не выбирала. Мне его спустили сверху.

— И как?

— Очень трудолюбивый. — Она сказала это без всякой иронии. — Хоть он из очень богатой семьи, он сам добился своего места. Работу свою любит. По-настоящему.

— А его нужно сопровождать куда-нибудь? Ну, на встречи, на приёмы?

— Сопровождать его не нужно. — Мая подмигнула. — У него есть для этого девушки.

Я смутилась и уставилась в бокал. Краска залила лицо — от шеи к корням волос, и я почувствовала, как горят уши.

— А что он любит?

— Тишину в офисе. Чтобы всё было быстро и без задержек. Приходит и уходит в разное время — поэтому я и сидела тут в семь тридцать, хотя рабочий день официально с девяти. — Она пожала плечами. — Если работаешь хорошо, Рид может брать с собой. Мне это было не нужно — я искала ему стажёров, и они у него учились. Если это можно так назвать. Он у нас филантроп. Любит помогать смышлёным ребятам.

— А почему ты с ним не ездила? — спросила я.

Мая помолчала. Потом сказала просто:

— Я передумала становиться высококлассным юристом.

— А чем ты будешь заниматься теперь?

— У меня картинная галерея. — Она улыбнулась — по-настоящему, не офисной улыбкой. — Я мечтала о ней. Искусство меня успокаивает. И мой акционер, — она усмехнулась, — подарил мне её. Теперь я буду путешествовать и привозить картины со всего мира в мою галерею. Вот, кстати, визитка с адресом. Приходи в гости.

— Спасибо! — Я взяла визитку, плотную, с тиснением. — Моя лучшая подруга — художница. Она невероятно талантлива, но плохо верит в себя. Дай ей мои контакты, пусть напишет тебе. На звонки я больше отвечать не буду.

— Пусть пишет, — кивнула Мая. — Я посмотрю.

Я повертела визитку в руках. Потом спросила:

— Мая. А почему ты не ушла раньше? Стажировка эта — как я поняла, ты давно могла уйти.

Она долго смотрела в бокал — так долго, что вино в нём, казалось, стало ещё темнее.

Потом подняла глаза.

— Я искренне благодарна Итану за то, что он тогда оставил меня у себя. За то, что иногда терпел мои неудачи. Ради его и моего успеха я стала лучшим помощником в мире. Он сам однажды так сказал. — Она улыбнулась. — Хоть он и кажется куском льда, он хороший человек.

Глава 6. Неизвестные номера

Из ресторана я вышла в состоянии, которое раньше назвала бы «навеселе», а сейчас честно называла «ой».

Ноги шли ровно, но как-то отдельно от меня — будто они знали дорогу, а я им только мешала. Воздух был холодный, резкий, с тем металлическим привкусом, который бывает у позднего города, — а мне было тепло. Вино разлилось по телу и грело изнутри, будто я несла в себе маленькую печку, и эта печка делала всё вокруг мягче, добрее, ближе.

Я шла и думала о Мае.

Странно: за две недели в офисе она была для меня почти мебелью — жёсткой, неудобной, всегда на пути. А за один вечер стала человеком. Оказалось, за пределами работы она очень милая девушка. И я вдруг обрадовалась за неё — по-настоящему, без зависти. Ей не нужно было прогрызать эту жизнь. Ей нужно было отдохнуть.

Думать дальше я не успела.

Телефон зазвонил.

Неизвестный номер. Почему вокруг меня одни неизвестные номера? Я уже собиралась не брать — рука сама нажала «ответить».

— Алло?

— Это Ноа? — Голос знакомый, но я не сразу сообразила.

— Да. А это кто?

— Это Мэтт.

— О, Мэтт. — Я почему-то обрадовалась. — Привееет.

Пауза.

— Ноа, ты пьяна?

— Нет. Хотя… ну да. Немного.

— Ты где?

— Я иду домой.

— Ты дойдёшь? Всё хорошо? Может, тебя проводить? Забрать, отвезти? В общем, нужна помощь?

В голове у меня было желание целоваться. Простое, глупое, честное желание, которое бывает только в такие вечера, когда весь мир кажется мягким и тёплым.

Мэтт был не худший вариант. Хотя Рид, конечно, был бы идеальным вариантом.

Боже. О чём я думаю. Что за мысли. Что за вино. Я больше не буду пить. Хотя денег у меня на него всё равно нет.

— Ноа, ты где? Алло?

— А, Мэтт, да.

— Я на углу Мэдисон и 38-й.

— Через десять минут буду. Я как раз недалеко.

— Я ждууу.

Он стоял рядом ровно через семь минут.

— Ого! — Я уставилась на него. — Ты будто стоял за углом.

— Я правда был недалеко. Встречался с другом, увидел Маю, спросил, как жизнь, она рассказала про ваш ужин. — Он прищурился. — Оставить тебя я не мог в таком состоянии.

— В каком это «таком»?

— В очаровательно невменяемом.

— Ну что, поехали? — Он кивнул в сторону машины. — Отвезу тебя, одурманенная женщина.

— Нет. — Я покачала головой и тут же об этом пожалела. — Я живу с родителями. Не хочу их удивлять подобными вещами. Так что лучше погулять и отрезветь, а потом домой.

— Тогда предлагаю свой локоть. — Он выставил руку. — И пойдём.

Мы гуляли около часа. Или двух. Уже не помню.

Помню, что рассказывала ему про родителей, про то, что не знаю, как работать с Итаном без Маи. Помню, как Мэтт смеялся низко, почти неслышно, — и от этого мне становилось хорошо. Улицы были пустые, тёплые, и фонари горели так, будто светили только для нас. Где-то пахло жареным, где-то — мокрым асфальтом, и всё это смешивалось в один большой запах города, который я вдруг полюбила.

Поцелуи были. Да.

Было по-настоящему приятно — тепло, мягко, без всякого «а что дальше». Просто губы, холодный воздух и чужое плечо, к которому можно прислониться. И я прислонялась, и мне было хорошо, и я не думала ни о чём — ни о Мае, ни об Итане, ни о завтрашнем дне.

Домой я вернулась в два часа ночи. В квартире было тихо. Родители спали.

На столе стоял ужин, накрытый салфеткой, и записка — маминым почерком, крупно, с нажимом:

«Ноа, поешь и выпей таблетку, иначе утром пожалеешь. До завтра, весёлая девочка».

Я посмотрела на часы.

Завтра будет весело. Если учесть, что вставать мне через четыре часа.

Глава 7. Как обычно

Утро собрало меня по частям.

Голова гудела, во рту было сухо, как в пустыне, и каждая мысль отдавалась где-то за глазами — глухо, болезненно, будто кто-то изнутри стучал по черепу. Я выпила таблетку, встала под холодный душ, потом под горячий, потом опять под холодный

— и к семи часам всё-таки стала похожа на человека. Не на того, кем была вчера, а на его бледную, но жизнеспособную версию.

Родителей дома не было. На столе — тарелка с завтраком и ещё одна записка:

«Мы на рынке. Таблетку выпила? Целую. Мама».

Может, и к лучшему, что их нет.

В семь я вышла из дома. В семь тридцать была на работе.

Офис был пуст. Только гул ламп и запах кофе из машины в конце коридора — горький, бодрящий, единственный живой звук в этом сонном пространстве. Я сделала себе чашку, села за стол и выдохнула.

Хорошо, что одежду я выбрала ещё неделю назад. Юбка-карандаш чуть ниже колен, голубая хлопковая блуза приталенного силуэта. Я выглядела хорошо. Чувствовала себя — ужасно.

Вдали послышались быстрые шаги. Такие быстрые, что я не успела даже выпрямиться.

В офис залетел Итан. Взъерошенный, с папкой под мышкой, чёлка падала на лоб сильнее обычного, и в этом беспорядке было что-то такое, от чего у меня внутри всё сжалось. Я вскочила — и голова отозвалась раскатами грома.

— Доброе утро, — сказала я и осталась стоять.

Он остановился. Посмотрел на меня. Потом на часы.

— Почему вы здесь так рано? Рабочий день с девяти.

— Мая приходила так, — сказала я. Коротко. Как можно короче.

— Это не обязательно. Приходите к девяти.

Похоже, он считает меня бесполезной. Или просто не понимает, зачем я трачу своё время. Я не стала разбираться.

— Хорошо.

— Сделайте мне кофе и принесите все сегодняшние дела.

— Они уже у вас на столе. — Я запнулась. — Кофе как обычно?

Он обернулся.

— Как обычно?

Пауза. Он смотрел на меня так, будто я сказала что-то важное. Будто в этих двух словах было больше, чем я вкладывала.

— Я вижу, мисс Прентис постаралась перед уходом, — сказал он наконец.

И ушёл в свой кабинет.

Начались рабочие будни.

Иногда мы виделись с Мэттом — за ланчем или за кофе перед работой. Он всегда находил, что сказать, всегда улыбался, всегда был рядом, когда нужен. Но большего я не хотела. И он, кажется, понял. Или сделал вид — что, в общем-то, одно и то же.

Дни летели слишком быстро. Я привыкла к работе, и — странное дело — она доставляла мне удовольствие. Не сразу, не в первую неделю, когда я боялась дышать. Позже. Когда поняла, где лежат документы, кому звонить, как разговаривать с клиентами. Когда Итан перестал проверять каждую мою бумагу и начал просто спрашивать: «Готово?»

Моя зарплата позволила мне съехать от родителей. Квартира была небольшой — чуть дальше от работы, но всё равно не так далеко, — и в ней было всё, что нужно: окно, выходящее на восток, скрипучая половица у шкафа и тишина, которая поначалу пугала, а потом стала нравиться. Я купила себе лампу, которую выбирала два часа, и кресло, в котором можно читать. Выходные проводила у

родителей — или гуляла с Лидией, или с Мэттом.
Похоже, всё складывалось очень хорошо.

Пятое мая.
На улице было тепло — впервые за долгое время. Пахло началом жизни: мокрой землёй, первой зеленью, чем-то сладким, что ещё не распустилось, но уже обещало. Я открыла настежь окна в своей новой съёмной квартире. Она была небольшой, но очень уютной — солнце заливало её всю, до последнего угла, и в этом свете даже старая мебель казалась новой.
Я встала напротив зеркала.
В отражении была красивая девушка двадцати пяти лет, у которой всё впереди.
Волосы растрёпаны после сна, глаза блестят, на щеках — розовый оттенок, который не брал никакой макияж. Я посмотрела на себя и улыбнулась.
— Сегодня я буду в этом платье, — сказала я отражению. — В честь праздника.
Платье было с откровенным вырезом, но верх — очень даже приличный.
Раздался звонок в дверь.
На пороге стояли родители. В руках у мамы был торт — большой, домашний, с двадцатью пятью свечами, которые она уже успела зажечь. Папа держал пакет с чем-то, что пахло так, что у меня заурчало в животе.
— С днём рождения! — радостно закричали они хором.
— Мам! Пап! — Я обняла их обоих сразу, и торт чуть не накренился.
— Загадывай желание, детка, — сказала мама.
Я закрыла глаза.
Что я хочу? Я стояла в своей маленькой съёмной квартире, в тёплом весеннем свете, и думала: я хочу, чтобы так было всегда. Чтобы родители были рядом. Чтобы папа шутил, а мама пекла пироги. Чтобы это чувство — когда всё впереди — не заканчивалось.
Я задула свечи.
— Ноа, я поставлю торт в холодильник, — сказала мама. — Мы подвезём тебя на работу, а в выходные отпразднуем твой день рождения вместе. На озере.
— Какие планы на сегодня, дочка? — Папа подмигнул. — Бар с друзьями?
— Пока ничего не думала, — ответила я.
И в ту же секунду зазвонил телефон.
— С днём рождения! — закричала в трубку Лидия.
Поздравление было ужасным. Она напомнила мне все мои грехи: как я в восемнадцать покрасилась в зелёный, как в двадцать потеряла телефон в такси, как однажды уснула на лекции и храпела так, что профессор остановился. Я смеялась и не могла остановиться — до слёз, до боли в животе.
— В девятнадцать ноль-ноль, бар «Линда». Мая и Мэтт будут, я уже им позвонила. Отказы не принимаются. До встречи! — И она положила трубку.

Родители подбросили меня в офис. По дороге папа рассказывал про озеро — как они с мамой уже всё подготовили, как возьмут палатку, как он на этот раз не забудет соль. Мама смотрела в окно и улыбалась, и в её отражении было что-то такое спокойное, чего я давно не видела.
В офисе я первым делом открыла окна — в приёмной и в кабинете мистера Рида. Такой сегодня сладкий воздух. Он вливался в комнаты, и вместе с ним входило что-то новое, лёгкое, чего я давно не чувствовала.
— С днём рождения, — пропел Мэтт за моей спиной.

Я обернулась и засмеялась.

— Ты меня испугал! Спасибо.

— Это тебе. — Он протянул мне красивый букет подсолнухов.

— Вау. — Я взяла их. — Они как солнышко.

— Сегодня такой тёплый день. Солнце светит, и на витрине они прямо просились, чтобы я их выбрал для тебя.

— Спасибо. Мне очень нравится.

— Так, я побежал. — Он уже пятился к лифту. — Увидимся в семь вечера!

— До встречи!

Я поставила цветы в вазу. Как же они красивы. Жёлтые, яркие, они стояли на моём столе и улыбались мне всем своим видом.

В приёмную кто-то зашёл.

Я повернула голову — и увидела огромный букет белых роз. За ним, почти скрытый цветами, стоял Итан Рид, мой начальник.

— Ноа, с днём рождения! — сказал он. — Будь счастлива и здорова. Я благодарю тебя за твоё трудолюбие. — Он протянул мне букет. — Это тебе.

— Большое спасибо. — Я взяла розы, и они оказались тяжелее, чем я думала. — Вау. Какой он огромный.

Он улыбнулся и пошёл в свой кабинет.

Я смотрела ему вслед.

— Мистер Рид! — окликнула я.

Он обернулся.

— В девятнадцать ноль-ноль, бар «Линда». Будет небольшое празднование с друзьями. — Я запнулась. — Если у вас будет время и желание — приходите. Мне будет приятно.

Он посмотрел на меня.

— Спасибо, Ноа, — сказал он. — Я подумаю.

В семь вечера я была в баре.

Девчонки были нарядные и весёлые. Мая и Лидия стали компаньонами и вроде даже подружились — хоть и были очень разными. Мая в шёлке и с идеальным маникюром, Лидия в чём-то пёстром, с растрёпанным пучком, — и они сидели рядом и о чём-то болтали, и это выглядело почти естественно.

Мэтт был как рыба в воде. Хоть у него с Маей и было прошлое, атмосфера между ними была замечательная — они подкалывали друг друга, и никто не обижался.

Вечер был великолепный.

Мая подарила мне браслет — брендовый, тонкий, с маленьким камнем.

— В случае чего сдам в ломбард, — засмеялась я.

— Он твой, делай что хочешь, — подмигнула Мая.

— Спасибо большое. Очень красивый.

Лидия подарила набор для творчества. Краски, кисти, скетчбук — всё новое, всё пахло типографией. Я всегда хотела рисовать как она. Таланта не было, только упорство.

Мэтт подарил красивый рабочий блокнот.

— Чтобы ты записывала все указания Рида.

— Кхм, кхм, — закашляли прямо за его спиной.

— Не указания, а просьбы и задания. Да, Мая? — сказал Итан.

— Всем добрый вечер, — поздоровался он.

— Оооо, — сказала Лидия. — А он правда красавчик.

Я пнула её ногой под столом.

Мэтт подвинулся, и Итан сел между мной и Мэттом. Вечер был шикарен. Мэтт шутил, все хохотали, а Лидия больше всех. Завтра поговорю с ней об этом.

Всё закончилось за полночь.

Я попрощалась со всеми и душевно поблагодарила за организованный праздник. Итана поблагодарила отдельно.

— Спасибо, что пришли. Мне было приятно увидеть вас на своём празднике.

— Увидимся в офисе. Спокойной ночи, Ноа, — попрощался мистер Рид и пошёл в сторону такси.

Я стояла на тротуаре и смотрела, как он уезжает. Улица была пустая, тёплая, и пахло весной — той самой, которая началась сегодня утром и, кажется, не собиралась заканчиваться.

— Ноа! — Лидия догнала меня. — Ты чего застыла?

— Ничего. — Я обернулась. — Пойдём, поймаем такси.

— Он пришёл, — сказала Лидия, и в её голосе было что-то такое, от чего мне захотелось её стукнуть.

— Он мой начальник. Он пришёл, потому что я пригласила.

— Ага. — Лидия закурила, хотя сто лет не курила. — И поэтому сидел между тобой и Мэттом весь вечер.

— Он просто сел, где было место.

— Конечно. — Она выпустила дым. — Ты сама-то в это веришь?

Я не ответила.

Мы поймали такси. По дороге домой Лидия рассказывала про Мэтта — как он смешно шутит, как он смотрел на неё, как она не понимает, что происходит. Я слушала и кивала, и думала о другом.

Он пришёл. Он сидел рядом. Он сказал «спокойной ночи, Ноа» — не «мисс Харт», не «Ноа» с той интонацией, с которой говорил в офисе, а просто, тихо, как будто мы были не начальник и секретарь, а двое людей, которые провели вместе вечер.

Я зашла в квартиру, сняла туфли, поставила подсолнухи в воду — они ещё стояли, яркие, живые. Белые розы остались в офисе, в вазе на моём столе. Я не взяла их домой. Не знала, куда их ставить.

Легла в постель и закрыла глаза.

Мне было двадцать пять. У меня была работа, друзья, родители, которые меня любили. У меня было всё впереди.

Я заснула с улыбкой.

Глава 8. 1:0

Прошёл год.

Он прошёл не так, как проходят хорошие годы — быстро и незаметно, — а так, как

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.